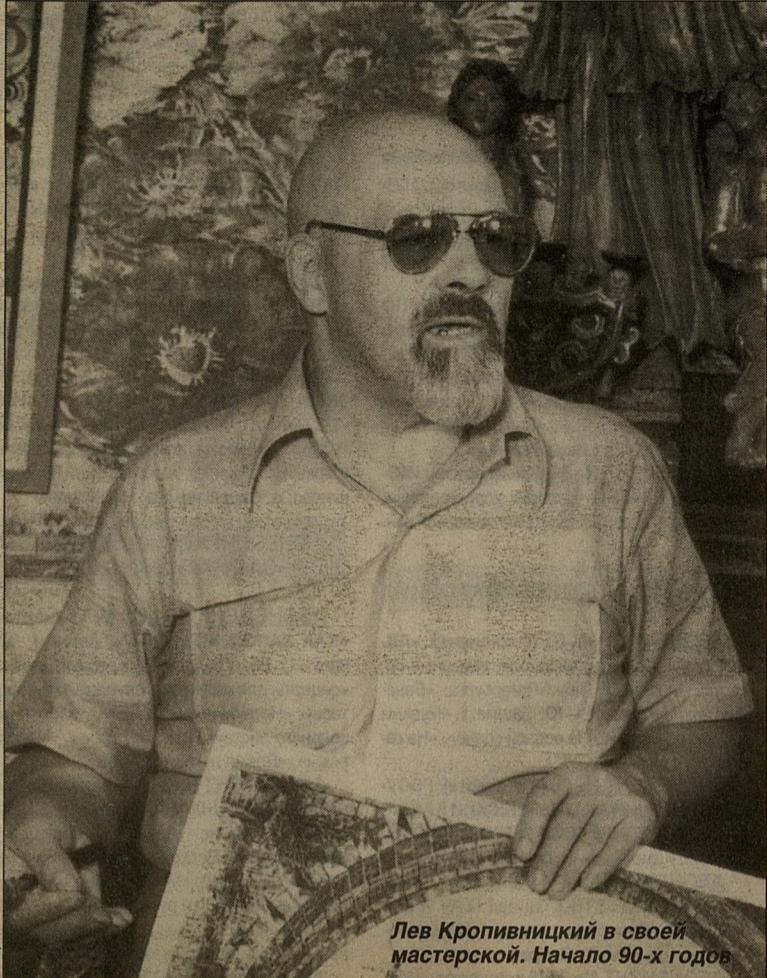

На жизнь Сталина он не покушался

ВЧЕРА В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ НА КРЫМСКОМ ВАЛУ
ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА ЛЬВА КРОПИВНИЦКОГО

Лев Кропивницкий в своей мастерской. Начало 90-х годов

Когда, в уже исторический день 1 декабря 1962 года, Никита Сергеевич Хрущев в сопровождении партийной свиты посетил выставку живописи в Манеже и назвал молодых художников «пидерассами» и «абстракционистами», что ему казалось еще более страшным преступлением перед народом, то вряд ли он понимал – настоящих-то абстракционистов там не было. А главный отечественный абстракционист Лев Кропивницкий, который первым в стране начал работать в этом эстетическом направлении живописи, в такие молодежно-комсомольские игры принципиально не играл и в Манеже выставляться не стал.

■ Владимир ТУЧКОВ

Он прекрасно знал, что впрочем вместе с красным конем соцреализма в телегу советской идеологии невозможно без ущерба для личной творческой индивидуальности. Сомнит и растоптут душу. Это знание было получено эмпирическим путем в сталинских лагерях. И всю свою жизнь мэтр нонконформистского искусства выстраивал таким образом, чтобы не зависеть ни от кого и ни от чего, кроме собственной совести и личных творческих интересов. А это в Советском Союзе, как, впрочем, и в нынешней России, было весьма непросто.

Лев Евгеньевич ушел из жизни ровно 10 лет тому назад, 26 мая 1994 года, когда ему был семьдесят один год. Хоть генетически ему было отпущено и больше. Безусловно, сказались война и заключение. В 1943 году он был тяжело ранен, провел в госпиталях почти год, перенеся девять операций. После войны продолжил учёбу в Московском институте прикладного и декоративного искусства. Однако через год его опять «призвало отчество»: вместе с десятю однокурсниками он был осужден на 10 лет лагерей за подготовку покушения на Сталина. Звучит чудовищно, но в те времена еще и не такой бред был нормой жизни.

Из того периода сохранился автопортрет Кропивницкого, который он нарисовал цветными карандашами на листке размером с почтовую открытку и прислал родителям. Эта работа прошла суреву цензуру: начальник лагеря, дабы родители не волновались за здоровье сына, взглянув на рисунок, приказал

сделать его оптимистичнее. И Лев Евгеньевич пририсовал себе галстук. Так сказать, типичный советский заключенный.

Вернувшись домой в 1956 году, Лев Евгеньевич обнаружил, что в Москве, точнее в Долгопрудном, где жили родители Евгений Леонидович и Ольга Ананьевна, уже во всю бурлит оттаявшая художественная жизнь. В Долгопрудном Кропивницкий-старший собрал вокруг себя художников и поэтов-вольнолюбцев, основав некий аналог Платоновской академии, которая впоследствии получила название Лианозовской школы. Весь цвет московского нонконформизма – Рабин, Вечтомов, Немухин, Валентина Кропивницкая, Холин, Сапгир, Всеволод Некрасов – всех не перечесть – собирался в подмосковном городке, чтобы общаться во имя неподцензурного искусства.

Лев Евгеньевич начал с жадностью наверстывать отнятые у него годы. И вскоре стал не только одним из лидеров столичной художественной жизни, но и «отцом» отечественного абстракционизма. То есть он первым в стране начал писать нефигуративные композиции. Как он впоследствии вспоминал, это была попытка очиститься от ужасов лагеря, которые его долго не отпускали. И попытка вполне успешная, поскольку для изображения деформированного мира лагерной несвободы не подходил не только реализм, но и ни один из существовавших художественных языков. Абстракционизм Кропивницкого брал свое начало в ситуации, описанной Маяковским: «Улица корчится безязыкая».

Потом в творчестве мэтра были другие периоды: увлечение графи-

кой, оформительские работы, период мистического экспрессионизма... Обо всем этом уже много и подробно написано как в газетно-журнальных статьях, так и в монографиях. Так что не будем повторять то, что уже и задокументировано, и хранится в музеях и частных коллекциях. Уместней было бы вспомнить о том, каким художник остался в памяти тех, кому посчастливилось с ним общаться. Именно посчастливилось, поскольку каждый приход в его знаменитую Мансарду – мастерскую на Старой Басманной, 18, где он работал, – лично для меня был праздником.

Знакомство с каждым новым человеком Лев Евгеньевич начинал с выяснения его астрологических параметров. Казалось бы, шарлатанство и мракобесие, призванное извлекать псевдопрофессионалам из доверчивых граждан нетрудовые доходы. Однако Кропивницкий был именно профессионалом, перелопатившим гору первоисточников. Его анализ характера человека был безошибочным. И в дальнейшем отношения с ним выстраивались самым оптимальным образом, обоядоинтересным и исключающим всякие недоразумения.

Кропивницкий любил и умел принимать гостей, виртуозно руководя застольем. Действо плавно текло, сопровождаемое то остроумными присловьями типа «после первой надо сразу же выпить несколько вторых», то величественными, словно Собор святого Петра, тостами на латыни. Обсуждаемые темы были разнообразны, как человеческое бытие, и в каждой из них Лев Евгеньевич демонстрировал и осведомленность, и свежесть взгляда, и глубину мысли. Архитектура средневековья, африканские обряды, технология изготовления сигар, тайны ордена тамплиеров – задолго до того, как Умберто Эко написал свой культовый «Маятник Фуко», лагерный кодекс чести, апология Лао Цзы и разоблачение Конфуция – всего не перечесть. И по ходу этого действия вставлял тут же придумываемые анекдоты о великих. И это уже тогда, когда его начала донимать тупая ноющая боль...

А как он мастерски пел романсы Вертиńskiego под свою маленькую гитарку! Как виртуозно читал свои стихи, которые являются продолжением его живописи и графики!

А какие женщины его окружали! Лично для меня это были бесценные уроки подлинной свободы – творческой, гражданская, метафизической. Уроки, разоблачающие стереотипы массового сознания.

В его Мансарде, где сейчас работает ученица Кропивницкого Ольга Зырянова, перебывала «вся Москва». Поэт Генрих Сапгир, пылкий пожилой юноша. Разоблаченный газетой «Известия» как тунеядец Игорь Холин, типичный эстетический хулиган. Всеволод Некрасов, жонглирующий интонацией живых теплых слов. Здесь Юрий Мамлеев, плотоядно отхлебывая из нарядной чашки чаек, читал рассказы о своих фирменных вурдалаках. Бронниковской частицей проносился Александр Глезер – «человек с двойным дном» и театральным грузинским кинжалом. Художники... Коллекционеры... Актеры... Галеристы... Культурные атташе... Все промелькнули перед нами, все побывали тут.

При жизни Лев Кропивницкий был классиком. После ухода стал легендой. Легендой русского нонконформизма. Причем он был более эстетическим нонконформистом, чем политическим, не ставя перед собой задачу прямого, лобового разоблачения уродливого положения вещей. Он говорил о вечном, в сравнении с которым социальная сиюминутность является веюю эфемерной по прошествии всего лишь краткого отрезка вре-

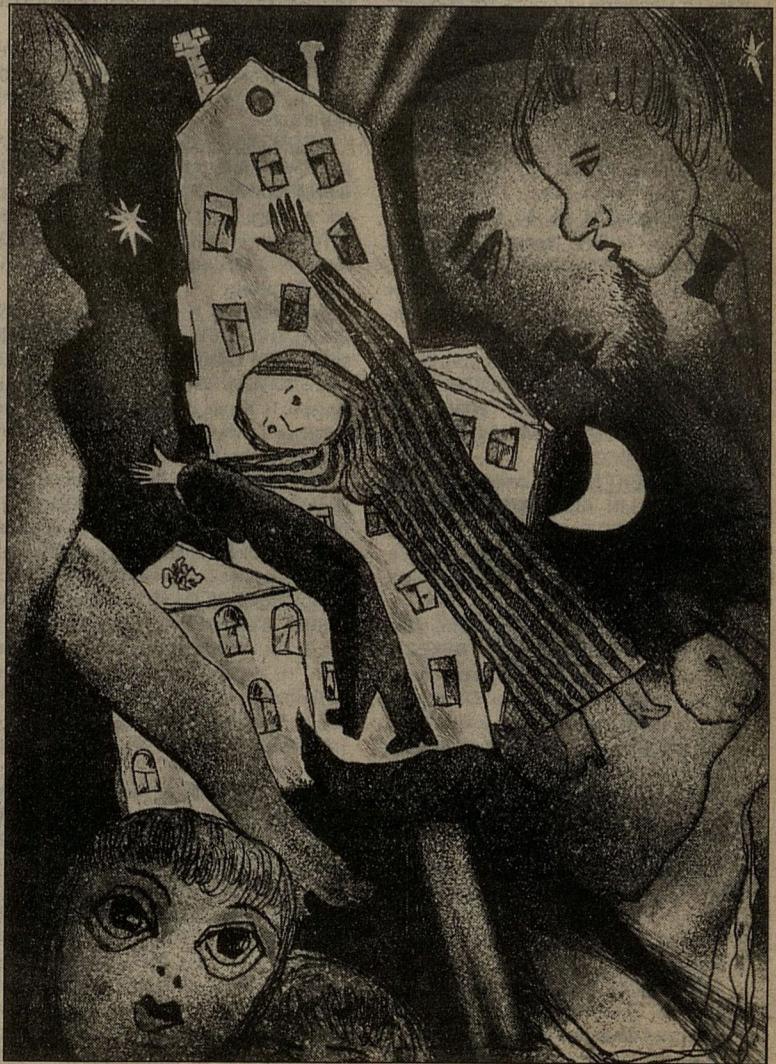
мени. И в этом смысле наследие Кропивницкого – продукт с неограниченным сроком хранения.

К сожалению, большая часть работ Кропивницкого разошлась по зарубежным музеям и коллекциям. Однако многое бережно хранят вдова и дочь художника – Галина Давыдовна и Наталья Львовна Кро-

пивницкие. Именно благодаря им в Третьяковской галерее на Крымском валу в эти дни проходит мемориальная выставка. На ней представлена живопись из коллекции семьи художника, а также из фондов галерей. Праздник общения с мэтром, который был начат в Мансарде, продолжается.

Офорт «Сплин» к изданию «Шарль Бодлер. Избранное». 1992 г.

Офорт «Вечерний сумерки» к изданию «Шарль Бодлер. Избранное». 1992 г.